

воровская
ОНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ЕВГЕНИЯ СУХОВА:

Деньги на стол, господа!

Воровская корона
Бубновый туз

Лихие леты Ивана Грозного

Тайная любовь княгини
Жестокая любовь государя
Царские забавы

Медвежатник

Медвежатник
Король медвежатников
Бриллиантовый крест медвежатника
Медвежатник фарта не упустит
Уловка медвежатника
Замануха для фраера
Капкан для медвежатника

Разудалое посольство

Заговор русской принцессы
Убить Петра Великого

Русь окаянная

Госпожа трех гаремов
Княжий удел

Хитник

Алмаз в воровскую корону
Венец карьеры пахана
Завет лихого пацана

Сомалийские пираты

Пираты оффшорного моря
Веселый Роджер – знамя вора
Плачет рея по пирату

Копье судьбы

Матёрый и скокарь
Власть и масть.

Непримиримые

Крутые профи
Непримиримые

Я – вор в законе

Я – вор в законе
Власть Варяга
Заповедь Варяга
Империя смотрящего
Казначей общака
Кровник смотрящего
Месть смотрящего
Охота на смотрящего
Слово авторитета
Слово Варяга
Смотрящий по России
Воровская правда
Гнев смотрящего
За пределом беспредела
Питер да Москва – кровная вражда
Страсть окаянная
Тюрьмой Варяга не сломить

Исторический детектив

Лихая шайка
Марьяжник
Государственный преступник
Из шпаны – в паханы
Убить Сталина
Ассасин

Криминальный детектив

Делу конец – сроку начало
Мертвец – это только начало
Один против всех
Крысятник
Последний в черном списке
Город в кулаке
Шнифер
Бой «быков»
Не бери у вора денег

Евгений СУХОВ

Москва

ЭКСМО

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 91

Оформление серии *С. Груздева*

Ранее книга выходила под названием
«Кандалы для лиходея»

Сухов Е.

С 91 Темная подворотня / Евгений Сухов. — М. :
Эксмо, 2013. — 352 с. — (Воровская Зона).

ISBN 978-5-699-66767-3

У графа Виельгорского пропал главный управляющий. Уехал собирать деньги с имений и не вернулся. Граф обратился к московскому обер-полицмейстеру с просьбой разыскать пропавшего. Тот взял расследование под свой контроль и вскоре вышел на подозреваемого — некоего господина Козицкого из села Павловское. Именно там в последний раз видели пропавшего управляющего. Но тщательная проверка результатов не дала. Господин Козицкий был чист. Других подозреваемых найти не удалось, следствие забуксовало, а потом и вовсе «заглохло». Но вдруг в деле об исчезновении главного управляющего появился свидетель...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Сухов Е., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-66767-3

ГЛАВА 1

Как камердинер Филимонич
графа Виельгорского будил,
или Исчезновение главноуправляющего
имениями Попова

Конец мая 1896 года

Граф Виктор Модестович Виельгорский не терпел рано вставать. Всякий раз приход утра воспринимался им как досадное недоразумение: ведь так хорошо было спать, нежась в мягкой постели, и видеть цветные сны, и тут — на тебе! — через плотные ткани портьер тусклым светом пробивается новый день, обещавший многочисленные заботы и треволнения. Уже проснувшись, Виктор Модестович долго лежал с закрытыми глазами, удерживая себя в приятной сладкой дреме, покудова не заходил в его спальню камердинер Филимонич и не начинал, ворча что-то себе под нос, раздвигать бордовые бар-

хатные шторы, пропуская в графскую спальню солнечный свет. Виктор Модестович морщился, приоткрывал один глаз и почти с ненавистью смотрел в согбенную спину старого камердинера. Так было всегда, так было и сегодня. Наконец, граф открыл оба глаза и с явной укоризной в голосе посетовал Филимонычу:

— Ну, что ты так рано, старик? Еще только рассвело...

— Ка-а-абы, только рассвело, — не оборачиваясь и продолжая заниматься шторами, ворчливо ответил камердинер. — Уж полдень скоро, барин, а вы все почивать изволите. А дела стоят не деланы.

— Какие дела, Филимоныч? — зевая, спросил Виельгорский.

— Разные, барские, — повернулся к нему камердинер. — К примеру, главноуправляющий вашими именьями господин Попов недели три как должен был уже вернуться, а его и посейчас нетути. А равно как и денежек с ваших имений. А ну как он не приедет вовсе — на что жить-то станете?

— Что значит «не приедет вовсе»? — озадаченно спросил Виктор Модестович и приподнялся на локтях. — Ты на что намекаешь, старик?

— Ни на что я не намекаю, ваше сиятельство, — ответил камердинер, подходя к постели графа. — А только сказываю, что главноуправляющего вашего нет, а он должен был заявиться уже недели как три. — Филимоныч уперся выцветшими глазами прямо в глаза своему барину. — Вот где он может быть?

— Ну, не знаю... На ярмарке, возможно, — неуверенно произнес Виельгорский, признавая в душе, что Филимоныч прав. Но показать ему это значило проявить слабость. Он и так в последнее время верховодит в доме, будто он в нем самый главный...

— А на какой ярманке? — не унимался старый камердинер.

— В Нижнем или даже Берлине...

— Это с такими деньжищами он станет по ярманкам таскаться? Да еще заграничным... Этот Попов что, полоумный? — задал резонный вопрос Филимоныч.

— Не смей так говорить о дворянине! — нахмурил брови граф. — Ишь, волю взяли...

— Мы воли не брали, барин, — быстро парировал замечание Виельгорского старик. — И не просили даже. Нам ее государь император Александр Николаевич высочайше пожаловали...

Виктор Модестович промолчал. Спорить с камердинером было бесполезно: есть такая порода людей, с которыми в спор лучше не вступать. Им хоть кол на голове теши, а своего мнения они не изменят. Филимоныч относился именно к таким людям.

— Хоть даже на ярманку, — буркнул скорее про себя камердинер и снова посмотрел в глаза графу: — А вы его рази на ярманки какие посылали? А?

— Нет, не посылал, — вынужден был признаться граф. — И что ты от меня хочешь? — уже устало спросил Виктор Модестович, усаживаясь на край постели.

— Чтобы вы сходили к обер-полицмейстеру, — ответил Филимоныч. — И объяснили ему: дескать, человек пропал с большими деньгами. Пусть разыскивают. Они за это жалованье получают.

— А если я сегодня заявлю, а назавтра он объявится? Что тогда? — теперь уже граф посмотрел на камердинера в упор, что, впрочем, не возымело на старика никакого воздействия.

— Заявится, и слава богу, — спокойно ответил Филимоныч. — Скажете, мол, поторопились. Извинения принесете за беспокойство. Делов-то... А Попова опосля накажете...

В словах старика, конечно, был резон. Действительно, Илья Яковлевич Попов давно уже должен был вернуться из своей ревизионной поездки по имениям графа, собрав доходы и предоставив ему отчет. А от него не было ни слуху ни духу, равно как и его самого. Такого никогда еще не случилось за все семь лет, как Попов стал главноуправляющим всеми шестью имениями графа Виельгорского.

Загулял?

На него такое не похоже. Попов в пристрастии к горячительным напиткам замечен не был. Дамы? К женскому полу относился более чем сдержанно, поскольку когда-то сильно был ими обижен. Лет двенадцать тому назад он влюбился в одну барышню по фамилии Шибуньская, и та, говорят, тоже была к нему равнодушна. Дело дошло даже до помолвки, и вот когда до венчания оставалось меньше месяца, эта Шибуньская изменила ему с каким-то пройдохой-ротмистром, чему Попов был почти свидетель.

Заявившись к девице с букетом белых роз за два часа до назначенного свидания, он застал парочку совершенно раздетыми у нее в спальне в тот самый момент, когда соитие их завершилось бурными криками и стонами с ее стороны и рычанием — с его.

— Илюша, ты? — только и смогла сказать Шибуньская, увидев жениха в проеме дверей, и зарыла лицо в подушки, покамест ротмистр одевался и приводил себя в порядок.

Попов не стал вызывать ротмистра на дуэль. Ведь, по сути, виноват был не он, а Шибуньская, которая попрала и помолвку, а вместе с ней честь господина Попова и его любовь к ней. «Сучка не захочет — кобель не вскочит». Такая поговорка как нельзя лучше отражала всю ситуацию, произошедшую с Шибуньской и ротмистром. Вследствие этого, не дождавшись, покуда ротмистр оденется и покинет апартаменты Шибуньской, Илья Яковлевич молча снял обручальное кольцо и бросил его на столик у кровати. Услышав звук падающего металла и догадавшись, что произошло, Шибуньская отняла лицо от подушек и с мольбой посмотрела на Попова:

— Илюша, ты все превратно понял... Мы только... Не уходи, прошу тебя... Илюша...

Женщина театрально простерла к нему руки, но Илья Яковлевич, развернувшись на каблуках, вышел из спальни, которая заполнилась рыданиями. Но они его уже мало трогали. С тех пор Попов с недоверием относился к дамам и не сходил ни с одной, хотя среди них встречались девушки достойные и могли составить ему пару.

Как говорится, обжегшись на молоке, дуешь и на воду...

А может, Попов проиграл деньги в банк или штос и теперь боится показываться графу на глаза? Тоже маловероятно, поскольку Попов влечения к картам и вообще к азартным играм не имел и весьма ответственно относился к деньгам, как чужим, так и личным.

Случилось несчастье? А вот это вполне могло произойти. И камердинер, по сути, был прав, когда сказал ему, что надо обратиться в полицию. Только вот какое имеет право он, мужик, указывать, как поступать ему, графу Виельгорскому, предки которого несли дворянские службы в Царстве Польском и владели имениями на Волыни еще в середине четырнадцатого века?

— Ну что, барин, одеваться будем? — прервал мысли Виктора Модестовича Филимоныч. — Или, может, до заката будете мечтать?

Граф хмуро посмотрел на своего камердинера и ответил:

— Ступай, сам оденусь.

И принялся за свой туалет...

ГЛАВА 2

Виноватых без вины не бывает,
или Порядочные люди не умеют просить
за себя

Конец мая 1896 года

Тучи над головой обер-полицмейстера Власовского продолжали неумолимо сгущаться. Мало того что трагедию на Ходынке после коронации новоиспеченного государя императора Николая Александровича повесили почему-то на него, так еще газетчики пронюхали, что погибли вовсе не тысяча триста восемьдесят девять человек, а более четырех тысяч. А ведь задавленных на Ходынском поле, мертвых и раненых, везли не по Петербургскому шоссе, а кругом, через Хорошево, чтоб от глаз иностранцев и репортеров-газетчиков подальше. Так распорядился его высочество Сергей Александрович...

Пронюхали все-таки шелкоперы! И пошла статья за статьей, где его поносили все кому не лень. Дескать, главный виновник трагедии он, московский обер-полицмейстер Власовский. Теперь ему точно не сносить головы. И заступничество вдовствующей матушки императрицы не поможет, которая всегда относилась к нему благосклонно. А не он ли предупреждал великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора московского, о возможности такого исхода?

— Ведь затопчут они друг друга, ежели им разрешить такие гуляния, да еще с дармовым угощением, — говорил Александр Александрович его высочеству, — поскольку народ наш на дармовщинку крепко падок, ломиться начнет, а на поле рвы да волчьи ямы не засыпаны.

— Так засыпьте, — спокойно отвечал великий князь.

— Какими силами, ваше высочество? Дайте хоть солдат парочку рот.

— Солдаты нужны для парадов, — отрезал Сергей Александрович. — Обходитесь своими силами.

А какими прикажете силами? Теми, что остались в его распоряжении? Архивариусы да бумагоперекладыватели? Три десятка полицейских

чинов, которые и лопаты-то в руках никогда не держали? Ведь весь огромный штат московских полицейских, самых деятельных и могущих, был задействован по охране мест проезда и проживания иностранцев и прочих высокопоставленных гостей Москвы, которых было не счесть, по устному распоряжению самого Сергея Александровича. И как же он, Власовский, мог пренебречь распоряжением своего непосредственного начальника?

Восемнадцатого мая, по первому солнцу, едва глотнув кофею и не обещая супруге явиться ни к завтраку, ни к обеду, обер-полицмейстер отправился на Ходынское поле. Болела душа, ломило сердце, предчувствуя беду. И она случилась... К Ходынке можно было прорваться только через волостное село Всехсвятское Московского уезда. То, что он увидел, сразу сообщило о масштабах катастрофы. Вопли, стоны и проклятия слышались отовсюду и сливались в один протяжный гул, от которого забегали по коже мурашки. И всюду была пыль. Она стояла столбом от тысяч и тысяч бегущих ног. Казачий кордон был с легкостью смят и затоптан. Власовский переглянулся со своим помощником Рудневым и увидел в его глазах ужас.

— Вот что, — обратился к своему помощнику Власовский. — Вы попробуйте осадить толпу и позаботьтесь о раненых. Пошлите кого-нибудь объявить тревогу в пожарные команды. Пусть мчатся сюда с обозами и везут раненых в больницы. А трупы в морги, — добавил Власовский. — Я мчусь к губернатору. Буду просить помощь.

...Адъютант ни в какую не желал будить великого князя. Наконец, часу в восьмом градоначальник пробудился и вышел, пахнув на Власовского таким похмельным амбре, что обер-полицейстеру стало дурно.

После нескольких минут препирательств с августейшим градоначальником Власовскому удалось все же выпросить у него три роты солдат. Правда, нестроевых. Но было уже поздно...

Несмотря на то что афиши о народном гулянье на Ходынском поле и бесплатной выдаче подарков в честь коронации государя императора Николая Второго были расклеены по городу только 17 мая, уже 16 мая народ из Москвы и ее пригородов стал стекаться на Ходынку и «занимать места» поближе к выстроенным ста пятидесяти буфетам. В пять часов пополудни 16 мая комендант Ходынского лагеря капитан Львович, имеющий в своем распоряжении до полусотни